

— ...**М**он! Тимон! Очнись! Да что с тобой?!

— А?! — Скип резко раскрыл глаза и обнаружил перед собой смазливую рожицу какого-то сопляка, уставившуюся на него испуганными глазами.

— Уф! Ну ты даешь, Тимон. — На полудетской мордашке сопляка тут же нарисовалось облегчение. — Слава богу — очнулся! И чего это было? Смесями вчера закинулся или что не то вколол?

— А? — Скип зло скривился и настороженно повел глазами по сторонам. И чего эта бестолочь так орет? Не дай бог какая тварь окажется поблизости... — А?! — Его глаза неверяще расширились. Где... что... что происходит? Где это он?!

— Заклинило. — На мордашке сопляка нарисовалась ехидная улыбка. — Ну, на первую пару ты, я так понимаю, уже не пойдешь. — Он вскинул голову и огляделся. — Оу, Ник, привет! Ты на лекции? Сообщил там старосте, что Тимону стало плохо и я потащил его в медблок.

— А ему стало плохо? Насколько я помню, он последние два месяца постоянно в таком состоянии. — В поле зрения Скипа возникла еще одна физиономия. Крайне патлатая, да еще и бородатая. Вот идиот-то! Стоит ему нарваться на крючехвоста, тот его за эти патлы мигом... Так, стоп, сначала надо разобраться, куда он попал и что здесь проис-

ходит. Тем более что эти рожи кажутся смутно знакомыми. Обе.

— Ну да, есть такое. Но сейчас все заметно тяжелее. Глянь — всю куртку кровью из носа залил. А потом вообще грохнулся. Вон пощупай, какая шишка на затылке.

Руку, протянутую бородатым, Скип привычно перехватил и заблокировал. Но с трудом. Тело казалось чужим и ватным. Как когда-то, в те времена, когда он еще не преодолел первый предел. А голова болела так, что, казалось, скоро взорвется. Да и общее состояние было... Тут Скип вздрогнул и уставился на склонившихся над ним сопляков.

— Ник, Джек, вы?!

— Ну вот, очухался наконец-то, — удовлетворенно произнес Джек. Вообще-то его звали Сашка и родом он был не из какого-нибудь штата Техас, а из Воронежской области. Есть там такое село со вполне городским названием Нижнедевицк. Но парниша изо всех сил корчил из себя ковбоя... Скип судорожно сглотнул. Блин, но как? Он вновь повел глазами по сторонам. Вокруг было все что угодно, но не джунгли Стршансрашха. Нет, зелень здесь была, но скудная. Ну, по меркам Стршансрашха. А по московским...

Скип приподнялся на локте и огляделся. Апрель. Середина. Ну, или начало, если весна была ранней. Интересно, а какой сейчас год?

Он покосился на приятелей, которые в настоящий момент самозабвенно, как глухари, извращались с шуточками, пытаясь его затроллить, и едва заметно сморщился. Спрашивать, какой сейчас

год, не стоит. Совсем за идиота примут. Но можно прикинуть...

Скип еще раз огляделся, но уже оценивающе. Так, похоже, это Минаевский переулочек, вон седьмой корпус МИИТа. То есть он уже студент. Да и эти рожи как бы об этом намекают... Первый или второй курс. Если первый, то он пока живет в общежитии, недалеко отсюда, а вот если второй, то его из общежития уже вышибли и они с Равой снимают ту убитую однушку в Бирюлево, из которой до универа нужно было добираться на перекладных аж два часа. Увы, все, что ближе, было им не по деньгам...

— Чего это с ним?

Скип поднял голову. Над ним склонилось еще одно лицо. Уже девичье. И тоже смутно знакомое.

— Вот, староста, оказываем помощь пострадавшему, — весело заговорил Джек.

А-а-а... Ну да, это же Демирова, староста их группы. Как же ее звали-то... то есть зовут. Анжела, Алина, Алла... блин, неважно!

— Бугельников, что с тобой?

Скип несколько мгновений пялился на нее ошалелым взглядом, а потом хрипло выдавил:

— Не знаю... — и запнулся. Голос был не его. Сильный и такой же ватный, как и тело. Ну, то есть его, конечно, но он уже очень давно от него отвык. За двадцать-то с лишним лет... — Кровь из носа пошла, и вот...

— Что — вот? — Демирова насупилась. — Вечно с тобой все не так — то стекло в туалете разобьешь, а потом об него же и порежешься, то ногу в паху раздерешь, съезжая со второго этажа по сломан-

ным перилам, то шмали какой-то накуришься так, что потом тебя в реанимацию отправляют.

Шмали? Хм-м... значит, уже второй курс. То есть до Прорывов всего год. О-о-ох... Скип скривился: блин, голова-то как болит!

— Ты мне тут губы не криви, не криви, — староста чуть повысила голос. — Тоже мне, вечная проблема. Лучше б тебя уже отчислили побыстрее.

Скип слегка нахмурился. Отчислили? Хм-м... Ну тогда точно второй! Как раз в конце второго курса он впал в депресняк, который, как и многие до него, пытался лечить неумным бухаловом, шамалью и походами по клубнякам. Ну, по тем, на которые хватало его финансов, ставших весьма скудными после того, как он потерял место в общежитии и вынужден был снимать квартиру. То есть самым отстойным. То-то все про смеси вспоминают... В тот момент он почти перестал учиться, вследствие чего накопил кучу хвостов, из-за которых его чуть не отчислили. Чудом тогда проскочил.

— Ладно, Балукин, Пождаев, — Демирова окинула Ника с Джеком строгим взглядом, — давайте уж, волоките это тело в медблок. Я вас в журнале всех троих отмечу как отсутствующих по болезни.

— Спасибо, Алана! — воодушевленно воскликнул Джек и, проводив взглядом двинувшуюся дальше старосту, повернулся к все еще так и лежащему на тротуаре Скипу. — Так, Тимон, встал быстро! — с этими словами он довольно чувствительно приложил его в бок носком кроссовки. — Встал, я сказал, жирный! И ножками-ножками посеменял в медблок. Сам. Понял?

Скип уставился на него озадаченным взглядом. Насколько он смог вспомнить, Джек считался его другом. Или близким приятелем. Друзей у него, по ходу, никогда не было... Так почему он лупит его по боку ногой? Хм-м... что-то с его воспоминаниями не так.

А Джек между тем нахмурился и зло прорычал:

— ...ля, Ник, помоги мне поднять эту тушу! За шиворот его бери! — В следующее мгновение Скип почувствовал, как его схватили сзади за воротник, вследствие чего натянувшаяся ткань куртки врезалась ему под подбородок. И тут в действие вступили наработанные инстинкты старого ханта. Ну, вернее, попытались... То есть тело попробовало привычно крутануться, вырываясь из захвата, но-о-о... у него ничего не получилось. Потому что не тем было тело, совсем не тем... Так что Скип неловко запнулся носком правой ноги за лодыжку левой, вследствие чего его повело, и он снова рухнул на асфальт тротуара. Но на этот раз не один.

— Блин, Тимон! — придушенно взвыл Ник, придавленный его неловкой тушей (ой, какие давно забытые ощущения-я-я). — Я новые джинсы сегодня надел... ну все — ты попал!

Джек же в этот момент ржал как сумасшедший.

— Да, Ник, Свин тебя завалил. Причем в одну харю! Несмотря на то, что он явно под кайфом...

Лишь спустя пять минут Скипу удалось-таки поднять себя на ноги, после чего он, пошатываясь, проводил взглядом спины шустро удалявшихся от него приятелей, в настоящий момент оживленно обсуждавших, куда они сейчас двинутся. А потом осторожно потрогал ухо, наливавшееся красным.

«Старый приятель» Ник оказался о-о-очень недоволен произошедшим... Да уж, с воспоминаниями точно было что-то не так. Но это в настоящий момент была наименьшая из его проблем.

Оглядевшись по сторонам, Скип вздохнул и осторожно, покачиваясь и с трудом держа равновесие, двинулся в сторону лавочки у подъезда дома номер три, который располагался прямо напротив входа в седьмой корпус. Летними днями и вечерами эта лавочка чаще всего была забита местными бабушками, выбиравшимися во двор посудачить о своем, о женском, и заодно поругать наркоманов и проституток, не слишком умело скрывающих свою истинную сущность под личиной студентов МИИТа.

Хм-м... как минимум в его отношении они были не так уж и не правы. Да и насчет проституток тоже не все было так уж однозначно неверным. Впрочем, если считать, что проститутки – это женщины, продающиеся за деньги, то бабки не правы. Точно. Во всяком случае насчет большинства его знакомых студенток...

Добравшись до лавки, Скип грузно опустился на нее и прикрыл глаза. В принципе, его полный ник был вовсе не Скип, а Скипидар. Так его окрестил Капитан на выпуске школы Московского куста. За резвость и резкость...

Но народ довольно быстро сократил ник до одного слога. Ну, чтобы зря не ломать язык. Да и в бою так общаться было удобнее.

Как бы там ни было – он к прозвищу привык. Прикипел, можно сказать. Поэтому все те имена и прозвища, которыми к нему обращались в данный момент, пока вызывали дискомфорт. Для

того, чтобы осознать, что обращаются именно к нему, приходилось прилагать усилие. Да и были эти имена такие — не радующие и не тешащие эго.

Скип вздохнул. Ну да ладно — пока потерпим, это тебе не засада ловкача. А там, глядишь, и поменяем. Вот осознать то, что с ним произошло, — намного сложнее. Дело в том, что перед тем, как он обнаружил себя валяющимся на тротуаре напротив седьмого корпуса МИИТа, что в Минаевском переулке, его убили...

День смерти для Скипа начался с того, что он проснулся в пещере. Поспать удалось недолго, чуть больше трех часов. Что после почти четырех суток отчаянной гонки выглядело скорее насмешкой. Даже стаки отравления от постоянного приема эликов на «выносливость» и ману до конца не сбросились.

Но никто из тех, кто собрался в той пещере, не жаловался. Потому что все понимали, что речь идет о жизни и смерти. Несмотря на то, что у каждого было как минимум по одной «душе», здесь, на Стршансрашхе, это не имело никакого значения. Ибо для того, чтобы возродиться, только лишь наличия «души» было мало. Еще нужна была привязка к точке возрождения. А установить точку можно было только в секторе, контролируемом фракцией.

Но здесь, на Стршансрашхе, под контролем фракции людей не было ни одного сектора. И более того, они не имели ни единого шанса его заполучить. Да что там здесь, Скип сильно сомневался, что даже на Земле людям удалось сохранить контроль хотя бы над одним из секторов.

Еще мог помочь высокоуровневый хилер с навыком «воскрешение». Но у них такового не было. Да и не могло быть. Потому что это один из самых дорогих навыков, появляющийся в системном магазине только после достижения игроком сотого уровня и взятия его магазином третьего левела. То есть доступный лишь самой верхушке топов. А они были всего лишь середнячками.

То есть в этом мире они изначально были крысами, которые могли надеяться только на то, что их не заметят хотя бы какое-то время. И это самое время как раз и являлось временем их жизни. Но для того, чтобы его продлить, надо было постоянно убегать. Ибо стоит им остановиться где-то на чуть более чем три-четыре часа — их уже ничего не спасет.

Так что спустя всего лишь три с небольшим часа после того, как они спрятались в этой обнаруженной, кстати, именно Скипом пещере, лидер трапшы, маг сорок второго уровня Бел, тяжело поднялся на ноги и, окинув взглядом оставшихся соратников, неловко усмехнулся, после чего произнес немного просительным тоном:

— Ну что, двинули дальше?

Ему никто не ответил. Но на слова тем не менее отреагировали. Трапперы зашевелились, задвигались и начали потихоньку приводить себя в готовность к выдвигению — накручивать портянки, надевать сапоги, натягивать плащи и куртки, которые сняли перед тем, как забыться тяжелым, тревожным сном, и затягивать ремни снаряжения. По всей пещере слышались кряхтение, стоны и глухие матерки.

— Ничего, пацаны... ну и... хм-м... девчата, — обрадованно забормотал Бел, похоже, сильно опасавшийся, что его пошлют на хрен, потому как на позиции лидера он оказался совершенно случайно. Просто когда твари при прорыве на Стршансрашх выбили всех прежних лидеров, Бел внезапно обнаружил себя бегущим во главе толпы выживших. А поскольку он в этой толпешке оказался единственным полноценным магом, то как-то так получилось, что и командование перешло к нему. Тем более что поначалу оно свелось просто к задаче направления бега: «За мной... Влево... Быстрее... Поворачиваем...»

Вот так как-то само собой и случилось, что он стал во главе той сборной солянки. Тем более что позже, когда к ним присоединилось еще несколько групп выживших, выяснилось, что он оказался самым высокоуровневым магом из всех, кто выжил. А поскольку всем известно, что маги — это короли боя и главная ударная сила, никому в голову не пришло оспаривать его право на руководство. Ну как минимум до того момента, как стало понятно, что они оторвались. Хотя бы на время.

А его неуверенность была вызвана тем, что специализация у Бела была не совсем боевая — щитовик. Ну то есть боевая, конечно, но не атакующая. Впрочем, кое-какими атакующими заклинаниями Бел, естественно, владел. Но довольно слабыми для своего уровня. Так что его лидерство было вовсе не бесспорным. Потому как старшим в команде, как правило, становился всегда самый сильный. А в этой сборной траппе присутствовало как минимум еще четыре-пять человек, которые,

скорее всего, были в схватке сильнее его. Несмотря на вроде как более низкий уровень. Просто в силу специализации...

Но все они пока молчали. Похоже, в первую очередь потому, что понимали: шансов выжить у них у всех практически нет. И никому из тех, кто мог бы претендовать на лидерство, не хотелось стать тем, кто приведет эту взвинченную, растерянную и, чего уж там, изрядно испуганную группу пока еще живых людей к неизбежной гибели. Лишь только Бел еще, похоже, на что-то надеялся.

Ну да их неожиданный лидер, судя по всему, был немного туповат.

— ...До портала не так уж и далеко. Основное прошли. Так что завтра, максимум послезавтра — дойдем, — радостным голосом продолжил Бел, воодушевленный тем, что его по-прежнему слушаются.

Однако если бы он дал себе труд приглядеться, то мог бы заметить, что реакция на его последние слова оказалась, скорее, обратной той, на которую он, вероятно, рассчитывал. Вместо прилива воодушевления лица людей по большей части посмурнели, а в глазах замелькала безысходность.

Ибо всем (ну, может, кроме самого Бела) было понятно: добраться до места расположения межмирового портала — это даже не полдела, а в лучшем случае лишь десятая часть. Далее нужно будет прорваться через охрану, вбить координаты, напитать портал энергией и продержаться под атаками сбежавшегося гарнизона столько времени, сколько потребуется, чтобы он открылся.

А ни у кого из присутствующих не было уверенности даже в том, что отряд сумеет выполнить

хотя бы первую часть задачи. То есть добраться до портала. Потому что даже планетарные порталы, которыми вовсю пользовались аборигены Стршансрашха для перемещения в пределах планеты, и то охранялись куда как серьезно. Что уж говорить про межмировой. Даже если их на какое-то время и потеряли, что еще совсем не факт, то окрестности такого портала априори будут патрулировать куда более тщательно и большими силами, нежели любого другого.

Но иного выхода у людей, входивших в эту ловушку, все равно не было. Нет, будь они обычными нулевками, жизнь, скорее всего, сохранить бы удалось. Тварям нужны рабы. Да даже у низкоуровневых игроков, не достигших десятого левела, то есть еще ни разу не совершавших операций в системном магазине и потому не зафиксированных Системой как активные пользователи, шанс был. Небольшой и сильно зависящий от настроения поймавших их тварей, но был. Их могли обнулить, выкачав весь опыт, и оставить в рабах. Для того, чтобы ограбить целую планету, требуется очень много рабочих рук.

Но у тех, кто составлял эту ловушку, шансов выжить при встрече с тварями не было вообще никаких. Ни на Земле, ни здесь, на Стршансрашхе — мире, из которого твари и их гребаная Система пришли на Землю...

Вернее, нет, Система была не их. Они к ней не имели никакого отношения. Ну, кроме разве того, что на Стршансрашх она пришла веков на пятнадцать раньше, чем на Землю. И за это время твари вполне успели к ней адаптироваться. А также